

Александр Грин

Три похождения Эхмы

Александр Степанович Грин Три похождения Эхмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314252

Аннотация

Три шуточные миниатюры: "Белый жеребец", "Стрела Амура" и "Полёт министра".

Содержание

I. Белый жеребец	4
II. Стрела Амура	7
III. Полет министра	10

Александр Степанович Грин Три похождения Эхмы

І. Белый жеребец

Я читал Понсон-дю-Террайля, Конан-Дойля, Буагобэ, Уилки Коллинза и многих других. Замечательные похождения сыщиков произвели на меня сильное впечатление. Из них я впервые узнал, что настоящий человек – это сыщик. В это время я жил на очень глухой улице, в седьмом этаже. Моя пища, подобно пище Эмиля Золя во дни бедствий, состояла из хлеба и масла, а костюм, как у Беранже, из старого фрака и солдатских штанов с лампасами. Из моего окна виднелось туманное море крыш.

Однажды, переходя мост, я решил сделаться сыщиком. Как раз на этих днях из конюшни графа Соливари была уведена лошадь ценой в пятьдесят тысяч рублей. Это был белый, как молоко, жеребец. Никто не мог напасть на след похитителей, и граф Соливари объявил путем газет премию в 10 000 рублей тому, кто отыщет знаменитого скакуна. Зная, что я, Эхма, не обделен от природы умом, я решил на свой риск и страх осчастливить себя и графа.

Чтобы не ошибиться в методе розыска, я еще раз внимательно перечитал всего Конан-Дойля. Знаменитый бытописатель рекомендовал дедуктивное умозаключение. Но я рассуждал так: жеребец не иголка, не какая-нибудь Джиоконда, которую можно свернуть в трубку и сунуть в валторну, а также не Гейсмар и Далматов, требующие почтительного наблюдения. Жеребец – это лошадь, которую не так-то легко спрятать, а если ее не нашли, то лишь потому, что за дело взялись глупцы.

Очень долго все мои старания были напрасны. Недели три я посещал цирки, конные заводы и цыганские таборы, но безрезультатно. Наконец, в один прекрасный день, я, проходя окраиной города, увидел в стороне от шоссе огороженное забором место. Забор был сделан из ровных, поставленных вертикально, высоких досок; доска от доски отделялась очень узкой, как шнурок, щелью, что произошло, вероятно, вследствие высыхания дерева. И вот за этим забором я услышал голоса людей, шаги, топот и ржание.

Думая только о лошади, я инстинктивно вздрогнул. Первой моей мыслью было влезть на забор и посмотреть, что там делается, но я тотчас сообразил, что злоумышленники, если они действительно находятся за забором, увидев меня, примут нежелательные и враждебные меры. Но увидеть, что делается в огороженном месте, не было никакой возможности. Напрасно я искал дырок, их не было, и не было инструмента, чтобы просверлить дыру, а в узкие щели почти ничего

не было видно. Что-то происходило не далее десяти шагов от забора. Наконец, в одну из щелей я увидел белую шерсть лошади. Желая осмотреть ее всю, хотя бы по частям, я посмотрел в другую щель, досок через десять от первой щели, но тут, к величайшему изумлению, увидел черную шерсть. Тогда меня осенила мысль, достойная Галилея. Я применил принцип кинематографа. Отойдя от забора шагов на шесть, я принялся быстро бегать взад и вперед с удивительной скоростью, смотря на забор неподвижными глазами; отдельные перспективы щелей слились и получилась следующая мелькающая картина: жеребец Соливари стоял, как вкопанный, а два вора красили его в черный цвет из ведра с краской: весь зад жеребца был черный, а перед – белый...

Я вызвал по телефону полицию и арестовал конокрадов, а граф Соливари, плача от радости, вручил мне десять тысяч рублей.

II. Стрела Амура

Разбогатеv, я захотел жениться. Неподалеку от меня жила артистка театра «Веселый дом», очень своенравная и красивая женщина. Она презирала мужчин и никогда не имела любовников. Я влюбился по уши и стал размышлять, как овладеть неприступным сердцем.

Заметив, когда обольстительная Виолетта уходит из дому, я подобрал ключ к ее двери и вечером, пока артистка была в театре, проник в ее спальню, залез под кровать и стал ждать возвращения прелестной хозяйки. Она вернулась довольно поздно, так что от неудобного положения я успел отлежать ногу. Виолетта, позвав горничную, разделась и осталась одна; сидя перед зеркалом, красавица с улыбкой рассматривала свое полуобнаженное отражение, а я скрипел зубами от страсти; наконец, набравшись решимости, я выполз из-под кровати и упал к ногам обнаженной Виолетты.

– О боже! – вскричала она, дрожа от страха, – кто вы, милостивый государь, и как попали сюда?

– Не бойтесь... – сказал я. – Вы видите перед собою несчастного, которому одна дорога – самоубийство. Моя фамилия Эхма. Давно, пылко и пламенно я люблю вас, и если вы откажетесь быть моей женой, я пробью себе грудь вот этим кинжалом.

Виолетта, заметив, что я действительно размахиваю да-

масским кинжалом, вскочила и звонко расхохоталась.

– Кто бы вы ни были, – сказала она, – и как бы вы ни страдали, я могу лишь вас попросить выйти отсюда. Убивая себя, вы будете десятым по счету сумасшедшим, а я держала пари, что набью десяток. Ну, режьтесь!

Видя, что угрозы не действуют, я переменял тактику.

– Я сделаю, – воскликнул я, – сделаю вас очень богатой женщиной! Я засыплю вас золотом, бриллиантами и жемчугом! Ваш каприз будет для меня законом!

– Я честная девушка, – сказала розовая прелестница, – и не продаюсь. А любить мужчину я не могу, они мне противны.

– Сокровище мое, – возразил я, уступая, как всегда в критических случаях, непосредственному вдохновению, – если я сделаюсь вашим мужем, то это будет самый необыкновенный на свете муж. Вы будете гордиться мной. Вы не подозреваете даже, каков я...

– А! – сказала заинтересованная Виолетта, кушая персик. – А что именно?

– Вы не поверите.

– Говорите, я вам приказываю!

– Но...

– Он еще разговаривает! Вы же сами твердили, что мой каприз – закон!

– Я...

– Ну?!

– У меня, – надменно и торжественно сказал я. – кожа полосатая, как у зебры, поэтому я вправе считать себя необыкновенным человеком.

Красавица рассердилась. Затем удивилась и долго смотрела на меня пылающими от любопытства глазами, а я, подбоченясь, не спускал с нее глаз.

Разумеется, ей было неловко просить меня показать кожу, и она, чтобы видеть занятную игру природы, вышла в скором времени за меня замуж. К моему великому удивлению, она заплатила мне за обман тем, что родила в первый же год мулата.

– Обман за обман, – сказала она, и я проглотил пилюлю.

III. Полет министра

Лет через десять произошло событие, окончательно упрочившее мою карьеру. Я стал инспектором тайной полиции. Это случилось таким образом.

Министр иностранных дел вскоре после своего назначения искал популярности и стал поощрять искусства, спорт, садоводство и все, чем интересуется широкая публика. Желая часто видеть свои фотографии в газетах и журналах, министр подымался на воздушном шаре, плавал на подводной лодке, а однажды захотел полетать на аэроплане.

Авиатор Клермон, бравый красавец, с орлиным взглядом и начинающими уже расти на голове вместо волос перьями, выкатил при огромном стечении публики свой победоносный Фарман и усадил меня с министром (я сопровождал министра на случай крушения).

Когда мы поднялись и полетели, я, к ужасу своему, заметил, что Клермон пьян. Он громко распевал неприличные песни, клевал носом и поносил республику, а кроме того, управлял аппаратом так, что нам ежеминутно грозила опасность ринуться с высоты тысячи метров вниз.

Министр, бледный как смерть, нюхал английскую соль.

Однако моя находчивость спасла всех. Выждав, когда Клермон начал делать отчаянные крутые виражи, я крикнул:

– Клермон!

Он повернулся, а я, сорвав с груди орден Почетного Легиона, помахал им перед носом пьяного авиатора; он протрезвился и кивнул головой. Некоторое время все шло прекрасно.

Тогда, не желая ослаблять впечатления, я спрятал орден, показывая его Клермону лишь в критические минуты, и мы таким образом благополучно спустились на землю.

За свои заслуги, как я уже сказал, я был сделан инспектором тайной полиции, а Клермон получил от министра орден.

Расскажу еще, как (это было в августе) я имел случай наглядно вспомнить о всех этих моих самых выдающихся приключениях.

Я шел по Сен-Антуанскому предместью. Мне нужно было накрыть шайку апашей.

Вдруг я увидел чудесного белого жеребца Соливари под персидским бирюзовым седлом; на жеребце сидел граф, рядом с ним, тоже верхом, на гнедой кобыле, ехала моя жена, нежно улыбаясь величественному лицу графа, а сзади на велосипеде перебирал ногами авиатор Клермон с ленточкой Почетного Легиона в петлице.

– Мой милый, – сказала Виолетта Клермону, – я назначаю вам среду и пятницу, а вам, граф, понедельник и четверг.

– Куда же вы девали, – хмуро сказал граф, – воскресенье, вторник и субботу?

– Суббота, пожалуй, мужу, а вторник и воскресенье – моему бедному негру.

После этого я долго стоял на углу, кормил голубей и плакал, по чину, тайными слезами.